

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-105-114

**Функционирование образа военной летчицы
в рамках традиционных сюжетных схем соцреализма
(на материале очерков М. Чечневой)**

Татьяна Андреевна Загидулина

Красноярский государственный педагогический университет

им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия

zagi9@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>

Изучению практик создания образов, канонизации героев в советской культуре посвящено немало исследований, однако стоит отметить, что женские образы создавались не по тем же лекалам, что и мужские, именно поэтому их требуется рассматривать отдельно. На данный момент существует типология советских героинь, проанализированы механизмы создания образов стахановок, полярниц и т. д., но специального исследования, посвящённого образу военной лётчицы, не обнаружено, что определяет актуальность предпринятого исследования. Образ военной лётчицы рассмотрен через призму традиционных сюжетных схем соцреализма. Использованы структурно-типологический метод, метод описательной поэтики, мифопоэтический анализ. Сопоставление полученных результатов с выводами, сделанными на основе рассмотрения «Записок штурмана» (1939) М. Расковой, позволяет проследить трансформацию модели создания советской героини. В центре внимания автора данной статьи находится сборник очерков М. Чечневой «Боевые подруги мои» (1975), год издания которого определил некоторые особенности повествования. В работе рассмотрена сюжетная схема, согласно которой строились жизнеописания летчиц, в «тривиальном» жанре эти схемы воспроизводятся в соответствии с соцреалистическим каноном, однако модель Большой сталинской семьи подвергается значительным изменениям: происходит актуализация образа матери при абсолютном невнимании к фигуре Отца. В работе описаны механизмы репрезентации процесса инициации – исключения из общества на время войны и возвращения туда после в ином статусе, детально описаны схемы отношений мужчины и женщины в ситуации отделения второй от социума с целью осуществления мести, победы над врагом, сделан вывод об особенностях гендерной инверсии. Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования в преподавании курсов «Истории отечественной литературы», «Культурологии». В работе впервые проанализирован образ, ранее не становившийся предметом самостоятельного анализа в предложенном ключе. Дальнейшее изучение трансформации представлений о советской героине-лётчице представляется целесообразным, и, учитывая интерес современной науки к гендерным исследованиям, актуальным.

Ключевые слова: соцреализм, гендер, военная проза, инициация, лётчица, советская литература

Original article

**The Functioning of the Image of a Military Pilot in the Framework
of Traditional Plot Schemes of Socialist Realism
(Based on the Essays by M. Chechneva)**

Tatyana A. Zagidulina

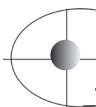
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia

zagi9@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>

A lot of research has been devoted to the study of the practices of creating images, the canonization of heroes in Soviet culture, but it is worth noting that female images were not created according to the same patterns as male ones, therefore they need to be considered separately. At present, there is a typology of Soviet heroines, the mechanisms for creating images of "stakhanovka", polar explorers, etc. have been analyzed, but a special study on the image of a military pilot has not been found, which determines the relevance of the study. The image of a military pilot is considered through the prism of traditional plot schemes of socialist realism. The structural-typological method, the method of descriptive poetics, and mythopoetic analysis were used. Comparison of the obtained results with the conclusions made on the basis of the consideration of the "Navigator's Notes" (1939) by M. Raskova allows us to trace the transformation of the model for creating the Soviet heroine. The

© Загидулина Т. А., 2023

focus of the author of this article is the collection of essays "My Fighting Friends" by M. Chechneva (1975), the year of publication of which determined some of the features of the story. The paper considers the plot scheme according to which the pilots' biographies were built, in the "trivial" genre these schemes are reproduced in accordance with the socialist realist canon, however, the model of the Big Stalinist family undergoes significant changes: the image of the mother is actualized with absolute inattention to the figure of the Father. The paper also describes the mechanisms of representation of the process of initiation – exclusion from society during the war and return there in a different status, describes in detail the schemes of relations between a man and a woman in a situation of separation of the latter from society in order to carry out revenge, victory over the enemy, a conclusion is made about the features of gender inversions. The practical significance of the work lies in the possibility of using research materials in teaching the courses "History of Russian Literature", "Culturology". The paper analyzes for the first time an image that has not previously become the subject of independent analysis in the proposed vein. Further study of the transformation of ideas about the Soviet heroine pilot seems appropriate. The study is relevant taking into account the interest of modern science in gender studies

Keywords: socialist realism, gender, military prose, initiation, female pilot, Soviet literature

Введение. Анализ гендерной проблематики – актуальное направление в российском и зарубежном литературоведении. В XX в. происходит полноценное включение женщины в экономическую и общественную жизнь, что даёт импульс развитию гендерных исследований в разных областях науки. Само различие терминов «пол» и «гендер» было обозначено в 1968 г. Р. Столлером [1].

В современном отечественном литературоведении намечились две линии исследования гендера. Первая – анализ текстов, созданных женщинами и повествующих об уникальном женском опыте, вторая – рассмотрение принципов «женского письма». В рамках представленной оппозиции А.С. Афанасьев разделяет исследуемые тексты на две группы: «1) реконструирующие гендерную картину мира; 2) гендерно репрезентирующие социальные, культурные и философские феномены»¹. Именно гендерная репрезентация феномена авиации находится в центре нашего внимания.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что рассмотренные схемы функционирования образа военной летчицы в мемуаристике недостаточно изучены современным литературоведением, что определяет цель работы – рассмотрение образа военной летчицы в рамках традиционных соцреалистических сюжетных схем и моделей конструирования персонажа.

Обзор литературы. Репрезентации женщины и женского в текстах советской эпохи посвящено немало исследований, в их числе статьи А. О. Задориной [3], Е. В. Кудриной [4], М. Н. Максимовой [5], А. И. Куляпина [3], монография «Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х го-

дов» [6], также стоит упомянуть методологически значимую работу В. Зусевой-Озкан [7] и статью Т. И. Ерохиной [8].

Образ новой женщины в рамках советского утопического проекта рассматривает Н. В. Ковтун [9], подчёркивая, что «Важнейшими вопросами любой утопии становятся вопросы пола, сексуальности, формирования нового человека, которому предстоит осваивать мир "светлого будущего"» [9, с. 32]. Исследовательница прослеживает трансформацию женских типов в советской и постсоветской литературе, выделяя следующие: *тип чувственной женщины, женщины-«комиссара» («атаманши»), женщины-интеллектуалки*, отмечает, что функциональным остается и *тип женщины-наседки*. Н. В. Ковтун указывает на андрогинность советских героинь, сопряжённую с революционной аскезой [9, с. 46], а также являющуюся знаковой чертой типа женщины-«комиссарши», с которым мы сталкиваемся на страницах очерков М. Чечневой. В этом смысле революционная аскеза, о которой говорит Н. В. Ковтун, актуализируется и в военные годы, позволяя типу комиссарши функционировать уже не в текстах революционной тематики.

Примечательна работа А. Куляпина [3], где автор ставит вопрос об онтологическом статусе новой женщины, делая вывод: «Удивительна смена эпохальных приоритетов: отказавшись от роли Прекрасной Дамы, советская женщина предпочла статус Передовой суки. Проблемы сексизма в экстремальной ситуации в СССР не существовало» [3, с. 164]². Учёный размышляет о вторжении новой женщины в мужское сообщество и смене гендерной парадигмы, что влечёт за

¹ Афанасьев А. С. Гендерный аспект изучения литературы: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 96 с.

² А. И. Куляпин приводит цитату из мемуаров Н. Демме, которая проводит параллель между человеческими сообществами и собачьей упряжкой.

собой разрушение традиционного порядка вещей, оцениваемое исследователем негативно (экспедиция под руководством женщины не имеет успеха; из-за женской клеветы погибают ни в чем не повинные мужчины). Сходной проблематике посвящена статья О. Скубач [10], исследовательница пишет о новой концепции героизма и моделях героизации, связанных с Арктикой, однако указывает, что процесс канонизации полярниц успешным не был в силу непреодолимых противоречий между реальностью и идеологией.

Репрезентации женщины-стахановки посвящены статьи Д. Наволоцкой [11; 12], где обсуждаются способы конструирования образа через призму «культуры знаменитости», идеи советского массового производства и потребления, массовых СМИ. В галерею образов комиссарш, стахановок, полярниц встраивается и летчица, образ которой от десятилетия к десятилетию претерпевал значимые трансформации.

Корпус зарубежных исследований, посвященных представлениям о гендере в советской литературе и культуре также достаточно обширен. Особым вниманием отмечено раннесоветское искусство. Одной из знаковых работ является статья V. Bonnell [13], где рассмотрена визуальная репрезентация женщины первых лет советской власти. Ученый приходит к выводу, что женщина получала место рядом с мужчиной условно – по принципу смежности, однако занятая позиция не была стабильна: старая гендерная парадигма разложилась, а новая находилась в процессе становления [13, с. 288]. Советский набор женских образов (работница, крестьянка) ознаменовал переход от гендерной к классовой парадигме в раннесоветском искусстве.

Интерес представляет работа Н. I. Khalil, где проанализирован образ героини романа М. Горького «Мать» через призму марксистско-феминистской герменевтики. Исследовательница приходит к выводу, что «женщины-активистки смогли преодолеть порабощение, эксплуатацию, гендерную дискриминацию и патриархат, <...> смогли заменить капитализм на социализм» [14, с. 278].

Хорватский филолог I. Peruško Vindakijević [15] прослеживает трансформацию культа матери в советской культуре, материалом исследования является не только роман «Мать», но и его экранизация режис-

сера В. Пудовкина. Ученый, рассматривая метаморфозу материнского мифа, говорит о том, что чрезвычайно важный элемент политической культуры – мифологема «Россия-матушка» на советской почве вытесняется иной мифологемой – «Родина-мать» [15, с. 38], также филолог обращает внимание на реактуализацию материнского архетипа в годы Второй мировой войны [15, с. 39]. Это важно для нашей работы, так как мы рассматриваем в том числе соцреалистическую модель Большой семьи.

Примечательна работа Christine Varga-Harris [16], где автор анализирует издание «Советская женщина» как инструмент внешней пропаганды, Varga-Harris пишет о транслируемых в страны третьего мира посредством журнала моделях женской эмансипации в 1950–1960-е годы.

Особо хотелось бы отметить работу R. D. Markwick, E. C. Cardona «“Falcons” and “Witches”: Flyers. In: Soviet Women on the Frontline in the Second World War» [17], посвященную непосредственно социальному и политическому облику, а также мотивации и эмоциональному миру женского авиационного полка. Исследователи отмечают, что сама идея женщины на войне изначально была чужда советской власти, однако именно авиация открыла путь второму полу на поле боя: «The singular exception to the initial prohibition on women combatants in the Red Army was Stalin’s secret Order No. 0099 of 8 October 1941 authorizing the formation of three women’s air regiments by 1 December 1941» [18, с. 84]. Причем это, по мнению ученых, было отнюдь не данью пропаганде – достижения советских летчиц не предавались гласности во время войны. Мы, в свою очередь, можем предположить, что образ военной летчицы конструировался ретроспективно.

Анализу репрезентации образа советской военной летчицы также посвящены работы R. Pennington [18], D. Hoffmann [19], K. Cottam [20], V. Paige [21].

Методология и методы исследования. При проведении исследования использован структурно-типологический метод, позволяющий исследовать структуру рассматриваемого феномена, а также функционирование явления в системе соцреалистического канона, метод описательной поэтики, подразумевающий описание группы произведений, в нашем случае очерков

М. Чечневой, а также мифопоэтический анализ. Последний в рамках данной статьи предполагает изучение трансформации традиционных образов в контексте ортодоксальной советской литературы.

Результаты исследования и обсуждение их результатов. В фокусе внимания автора данной работы находится функционирование образа военной летчицы, репрезентируемого в соцреалистических текстах мемуарного характера. Ранее мы рассматривали образ летчицы тридцатых на материале «Записок штурмана» М. Расковой [25], материалом данного исследования стал сборник очерков «Боевые подруги мои»¹ М. Чечневой, командира эскадрильи 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного Таманского Краснознаменного ордена Суворова полка. Личность автора примечательна: М. Чечнева в 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию «Коммунистическая партия – вдохновитель боевого подвига советских женщин в годы Великой Отечественной войны», что говорит об осознании писательницей системы советских культурных координат.

Несмотря на то, что книга М. Чечневой была написана через несколько десятилетий после войны, идеологически произведения выстроены согласно соцреалистическому канону – языковой пуризм, линейность композиции, элементы воспитательной литературы, отсутствие отклонений «модернистского» характера [23, с. 285]. Х. Гюнтер замечает, что «Канон давно исчерпал свою продуктивность. По-другому дело обстояло с тривиальными жанрами, которые по-прежнему ориентировались на нормы соцреализма» [Там же, с. 287]. Практически все очерки в книге построены по одной модели: девушка (или девочка) начинает интересоваться авиацией – проходит путь к авиации, преодолевает препятствия – приходит в полк – трудится на благо Родины – погибает героической смертью либо продолжает после войны служить Родине, но уже в ином качестве.

Приведём некоторые примеры сюжетных схем. В очерке «Под алым гвардейским знаменем» рассказана история Евдокии Давыдовны Бершанской, командира полка: «Дуся видела, как новый труд и новый чело-

век обновляли нашу землю, закладывая основы <...> прекрасной жизни»² – описываются детские стремления героини. «Дуся <...> строила здание школы, ангары, подсобные помещения, разравнивала летное поле»³ – героиня стоит у истоков, закладывает фундамент будущего, от романтизма мечты она движется к прагматике действия. Бершанская стоит практически на одной ступени с Мариной Расковой – женской иконой советской авиации: «Марину Михайловну и Евдокию Давыдовну связывала крепкая и сердечная дружба»⁴. Так как Марина Раскова обладает качествами сверхчеловека, Бершанская также включается автором очерка в эту парадигму: «Казалось, что наш командир полка **никогда не отдыхает. И всё-таки мы не видели Евдокию Давыдовну усталой**»⁵. Послевоенная жизнь героини тоже вполне согласуется с идеалом женщины тридцатых, которой возвращаются «маркеры пола, редуцированные в Революцию» [9, с. 39], она и трудящаяся, и мать: «Сегодня Евдокия Давыдовна Бершанская – мать троих детей. Она счастлива в семейной жизни, ведет большую партийную и общественную работу»⁶.

В очерке «Сибирячка» представлена подобная сюжетная схема. «Мечта о полете, стихийно возникшая на Столбах, неожиданно превратилась в реальность; Амосову приняли в планерную школу Осоавиахима»⁷ – стихийность начала жизненного пути героини полностью соответствует соцреалистическим представлениям [23] о развитии положительного героя. Героиня преодолевает препятствия ради мечты служения Родине: «Месяц Амосова лежала в больнице, потом заново училась ходить, а выздоровев, добилась <...> направления в Тамбовское авиационное училище»⁸, однако, уже поступив на работу, молодая летчица на деле демонстрирует, что способна даже на большее, чем мужчины: «**Старые летчики, не знавшие новых теорий вождения самолетов <...>, восхищались мастерством “зеленой” девушки**»⁹. Судьбоносной для героини становится встреча

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹ Чечнева М. П. Боевые подруги мои. – Текст: электронный // Сайт «Милитера» («Военная литература»). – URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения: 15.06.2023).

с Мариной Расковой, находящейся на вершине женской авиационной иерархии, это знаковое событие делает из простой летчицы военную, то есть повышает её статус: «Серафима прислонилась лбом к холодному стеклу окна. “Так вот она какая, Марина Михайловна Раскова!..”»¹. Следуя по пути положительного героя, Амосова обретает соответствующие статусу качества: «всем своим обликом; **твёрдой походкой, благородной манерой держаться, ровным голосом, спокойным взглядом красивых серых глаз**, Амосова являла **образец бесстрашия и уверенности в своих силах**. Мы восхищались её **рассудительностью и хладнокровием**»². Завершается повествование о летчице краткой справкой: «...Серафима Амосова-Тараненко, редактор устного журнала “Боевая подруга” при Центральном Доме Советской Армии...»³.

Сюжетная схема, используемая в очерках, подразумевает обращение к прошлому военных летчиц. Никто из них не попадает в советскую авиацию случайно. Некоторые застали Гражданскую войну, где помогали партизанам, другие, младшие, вдохновлялись идеями авиации, глядя на самолеты, читая очерки об авиации, созерцая родные края: «...душу девушки, как и многих её сверстниц, увлекла книга Марины Расковой “Записки штурмана”»⁴ («Комиссар идет впереди»); «...Сима видела <...> поляны <...>, светлую полосу Енисея, ставший для нее родным Красноярск. “Вот бы полететь на крыльях...”» («Сибирячка»); «С тех пор она стала связной и не раз доставляла партизанам ценные сведения»⁵ («Комиссар идет впереди»).

Эти клише не появились из ниоткуда – они были характерны для оборонной литературы тридцатых, создававшейся в рамках деятельности ЛОКАФ (Литературное Объединение Красной Армии и Флота), соответственно, санкционированной государством – «организационно-утилитарный подход к решению “боевых задач” находит в подобном типе литературной институции практически завершённую форму. Соот-

ветственно, этим установкам решались и строились и сюжетные клише, кочующие из одного сборника в другой по очеркам и рассказам» [23, с. 163].

Функции оборонной литературы, предусмотренные государством, сохраняются в очерках М. Чечневой в полной мере. Е. Добренко, говоря о предназначении ЛОКАФ, писал, что тот «с удивительной чистотой выражал главные – милитарные – потенции тоталитарной культуры» [24, с. 139]. ЛОКАФ создан задолго до Великой отечественной войны и ликвидирован в 1932 г., само существование этого объединения формировало важную часть тоталитарного дискурса – в оборонной литературе оппозиции выкристаллизовываются наиболее чётко, что само по себе отвечает духу и букве соцреализма. Несмотря на то, что 1976 г. далеко отстоит от тридцатых, традиция сохраняется.

В текстах отсутствует упоминание вождя. Несмотря на исключение Сталина из дискурса (книга издана в 1976 г.), сталинский миф о Великой семье продолжает функционировать. Женский полк в гендерном смысле автономен, это своего рода амазонки – летчицы, штурманы, комиссар, командиры, «вооруженцы», техники – все женщины. Мужчины являются «внесценическими» персонажами – репрезентируют себя в письмах, появляются в послевоенной и довоенной жизни, иногда мужчины-военные выражают сомнения в боеспособности лётчиц, но потом уверяются в том, что женщина может воевать наравне с ними.

Женщина-лётчица покидает родную семью, которая, безусловно, дорога ей, и обретает новую семью в полку: «Евдокия Давыдовна уезжала не очень охотно: ей так не хотелось <...> покидать свою **большую и дружную фронтовую семью**»⁶ («Под алым гвардейским знаменем»); «А комиссар полка <...> удочерила Каширину, когда узнала, что она осталась без матери. Так **Ира обрела в полку вторую семью**»⁷ («Фронтовая сестра»).

Примечательно, письмо матери Жене Круговой, где она говорит о том, что должна писать мать своему сыну: «...пиши ему письма строгие, меньше жалей его, чтобы о доме он забывал, а искал себе **дом и се-**

¹ Чечнева М. П. Боевые подруги мои. – Текст: электронный // Милитера («Военная литература»). – URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения: 15.06.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

мью среди товарищей»¹ («Сердце, полное огня»).

Таким образом, структура «семьи», воспроизводимая автором очерков, отличается от структуры традиционной «сталинской» семьи: здесь отсутствует фигура отца-Сталина. Это, вероятно, связано с тем, что книга издана в 1976 г., после развенчания культа личности, в подобной литературе тридцатых фигура вождя была центральной.

В очерках детально разработан образ матери, но не кровной, а матери «в силу обстоятельств», конфликт «отцов» и «детей» отсутствует – отношения «матерей» и «дочерей» описаны гармоничными.

Одной из героинь, комиссару, в полку даже дают ласковое прозвище – «наша мать»: «А комиссар действовала, **как мать в большой семье**... <...> пошло гулять по полку нежно-ласковое прозвище <...> : “Наша мать”»². Об этом говорится в самом начале очерка, что задает тон дальнейшему повествованию. В конце жизни комиссар остаётся одинокой, однако это не мешает её «семейному» счастью: «я **самая многодетная мать на земле**. Шутка ли, иметь сразу более двухсот дочерей!»³.

Возможность познать настоящее кровное материнство становится доступной для военных летчиц только после войны. В этом смысле интересна история Дуси Носаль, описанная в очерке «Фронтальная сестра». Война застала только ставшую матерью героиню в Бресте: «...родильный дом подвергся жестокой бомбежке и полностью был разрушен. **Мать с большим трудом извлекли из-под обломков. Ребенок был мертв**»⁴.

Х. Гюнтер пишет о том, что к концу тридцатых советская культура уже воспроизводит полный треугольник Большой семьи, «включающей “отца”, “Родину-мать” и героических “сыновей и дочерей”» [23, с. 743]. В очерках М. Чечневой видны осколки этой Большой семьи: дочери Родины, но не только её. Появляется фигура названной матери – образ персонифицируется, Большая семья начинает уход из пространства метафоры, но полностью оттуда не уходит,

трансформации подвергаются некоторые её элементы. Образ отца исключен – даже учитывая, что текст носит рефлексивный характер, это невозможно не заметить. Это отсутствие знаково. Стоит отметить, что в этих «детско-родительских» отношениях всеми чертами Отца/наставника обладает мать (некровная): «образ лидера был представлен персонажем, имеющим жену и детей (особенно в романах 1940-х гг.), он часто являлся (трагически) отделённым от своей семьи на протяжении всего романа (а его семья, если и появлялась, то крайне редко)» [22, с. 574]. В случае с женским полком эту роль играет Марина Раскова. Однако одновременно быть дочерью и матерью в пространстве текста женщина не может – эти функции не совмещаются в силу самой структуры конструкта. Вместе с тем М. Чечнева, описывая послевоенную жизнь героинь, практически каждую наделяет ролью матери (кровной или приёмной).

В отличие от советского архетипического героя-воина мужчины, женщина-лётчица не сохраняет в себе юность – у нее есть потенциал взросления, она развивается: «Ныне Анна Ивановна работает в Могилевском райсобесе. Сотни людей приходят к ней за помощью и советом»⁵ («Подари сердце небу»); «Так и жила Тоня одна. А в 1956 г., будучи председателем цехкома, удочерила девочку-сироту»⁶ («Наш казачок»). И в этом принципиальное отличие художественного метода, использованного М. Чечневой, от ортодоксального соцреализма – завершенность героини возможна, она способна сама стать матерью – развиться, сменить свою ритуальную роль. Многие героини очерков связывали свою послевоенную жизнь с воспитанием молодежи: работали учителями, преподавателями, инструкторами, выступали с лекциями, при этом автор на протяжении всего повествования подчёркивает их женскую природу.

Подобное акцентирование внимания на женственности характерно и для литературы тридцатых: «Подчеркнуто феминный внешний вид говорит о готовности советской патриотки и героини быть единой в нескольких ипостасях – привлекательной и сексуальной женой (объектом), матерью, героиней труда (летчицей)...» [24, с. 120]. Стоит отметить, что у героини-военной летчицы

¹ Чечнева М. П. Боевые подруги мои. – Текст: электронный // Милитера («Военная литература»). – URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения: 15.06.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

исчезают детские черты летчицы первых лет сталинской авиации. Если в тридцатые «Раскова <...> описывает женский экипаж через метафору детства <...>. “Детскость” героинь, однако, обусловлена рамками канона – героини – члены Великой семьи – дочери Сталина, обладающие потенциалом преобразования своей инфантильной стихийности в положительную сознательность, то есть возможностью вслед за мужчинами обрести иконический статус положительного героя» [24, с. 118]. У военной летчицы инфантильности и в начале пути нет – она уже сознательна, практически с детства четко понимая, кем ей нужно быть. Романтика тридцатых сменяется прагматикой сороковых. Более того, героини принимают свою судьбу ещё в юности – даже мечта об авиации не становится поводом для того, чтобы перечить государству: «...райком комсомола предложил Дусе поехать учиться в Ставропольский педагогический техникум. А путевка райкома была для нее комсомольским поручением, и она не могла от него отказаться»¹ («Под алым гвардейским знаменем»).

Отличаются стратегии выбора жизненного пути летчиц тридцатых и военных летчиц. У вторых выбор отсутствует – перед лицом опасности, имея реального врага, они могут стать только воинами. Соответственно, их биографии будут сконструированы несколько иначе.

Война служит инициацией для женщины-летчицы. Ситуация перехода описана достаточно детально в очерке «Комиссар идет впереди»: «Вперед шагнула чернявая девушка. Евдокия Яковлевна начала вертеть и крутить ее, одернула гимнастерку, затянула потуже ремень, подколола булавками шинель: <...> Через несколько минут недавно мешковатая фигура стала похожа на ладно скроенного, подтянутого солдата»².

Ритуал адопции (усыновления, удочерения) А. Геннеп описывает следующим образом: «В Древнем Риме этот ритуал включал, во-первых, *la detestation sacrogiu* – совокупность обрядов отделения от <...> прежней малой семьи, а во-вторых, *la transition in scara* – совокупность обрядов включения в новую среду. <...> Отдельные

обряды адопции идентичны тем, о которых уже сообщалось: <...> совместное связывание, укрывание покрывалом...» [25, с. 40] Военная форма, таким образом, становится этим «одеялом», одинаковая для всех – она позволяет женщинам чувствовать себя частью нового солдатского сообщества.

Ещё одним важным звеном инициации будет мотив кровной мести, в полной мере реализуемый в текстах. Именно для совершения возмездия женщины становятся семьей, которая, однако, носит временный характер. А. Геннеп [Там же, с. 40] также проводит аналогию между целями удочерения и кровной мести – восстановление нарушенного общественного единства.

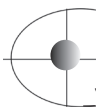
В очерках М. Чечневой мотивные комплексы удочерения (соответственно, сестринства) и кровной мести тесно связаны. Литература тридцатых дает продуктивный образ женщины, которая может быть одновременно дочерью Отца и иметь собственных кровных детей (при этом фигура мужа не является сколько-нибудь значимой): «Тема материнства в мемуарах поднимается неоднократно. Детские образы (сын Гризодубовой – Соколик и дочь Расковой – Танюша) сопряжены с мотивами семьи, во главе которой стоит Сталин (“Танюша шепчет мне на ухо: – Мама, а почему товарищ Сталин такой простой? Я отвечаю ей: – Потому что это товарищ Сталин”))» [24, с. 121]. Х. Гюнтер пишет, что в тридцатые наблюдается возврат к теме материнства в искусстве и культуре, женщине возвращается её женственность взамен на андрогинность двадцатых [22, с. 778]. Подобный возврат наблюдается и в послевоенной рефлексивной литературе.

Женщины-военные летчицы бездетны до и во время участия в боевых действиях. Это соотносится с идеей инициации через войну – женщина, уходя на фронт, исключается из социума, соответственно, старые роли на время отсутствия становятся неактуальными. Женщина-авиатор тридцатых, напротив, активно включается в общественную жизнь, следовательно, должна совмещать в себя роли героини и матроны, которые в логике военного текста совместить невозможно.

Примечательно, что о кровных детях не упоминается и в связи с образом Марины Расковой, хотя еще в тридцатые в собственных мемуарах она рассказывала о дочери. Это связано с тем, что Раскова

¹ Чечнева М. П. Боевые подруги мои. – Текст: электронный // Милитера («Военная литература»). – URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения: 15.06.2023).

² Там же.

теперь иначе встраивается в иерархию: в тридцатые она была дочерью, сейчас – одна и матерей, лидер.

Закключение. Итак, образ военной летчицы многогранен. Материалом исследования послужили тексты очерков М. Чечневой, изданные в семидесятые, однако их можно отнести к ортодоксальной советской литературе. Сюжетные схемы, клише, образы героинь традиционны для соцреализма, но есть детали, которые позволяют говорить о трансформации образа летчицы внутри канона. Во-первых, летчица сороковых – это героиня без права выбора. Летчица тридцатых, определяя свою профессию, руководствовалась идеей служения, мотивация летчицы сороковых дополняется идеями борьбы и мести.

Во-вторых, сама ситуация войны формирует важный элемент сюжетного конструк-

та – исключение летчицы из общественной жизни, включение её в отдельную группу с последующим возвращением в общество после выполнения миссии. Таким образом происходит инициация – после демобилизации женщина получает право на материнство, а также высокий социальный статус. Даже те женщины, у которых не появляются кровные дети, всё равно становятся матерями. Стоит, однако, отметить умаление роли Отца – эта фигура исключается из Великой семьи, уступая матери, причем не только Родине-матери, но и многоликим персонификациям самой идеи материнства. Здесь наблюдается трансформация сложившейся в тридцатые Великой семьи. Стоит также отметить, что в описываемых в текстах существует четкое разделение кровной и Большой (социальной) семьи, роли героинь при этом не могут дифференцироваться внутри групп.

Список литературы

1. Stoller R. J. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity. New York: Science House, 1968. 383 p.
2. Задорина А. О. Ева, Магдалина, самаритянка... (к типологии женских образов в романе Л. М. Леонова «Вор») // Вестник Новосибирского государственного университета. 2021. № 20. С. 108–116.
3. Зусева-Озкан В. Б., Андреева А. С., Акимова Анна С. Женщина модерна: гендер в русской литературе и культуре 1890-х-1930-х годов: монография. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 688 с.
4. Максимова М.Н Быт советских женщин на фронтах Великой Отечественной войны в мемуарной литературе // Актуальные проблемы социогуманитарных дисциплин: материалы LVIV конф. препод. и студ. ЧГПУ им. И. Я. Яковлева по итогам научно-исследовательской работы за 2018 г. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 109–113.
5. Куляпин А. И. Одна: советская женщина в литературе и культуре тридцатых годов // Филология и человек. 2011. № 4. С. 158–164.
6. Зусева-Озкан В. Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 712 с.
7. Ерохина Т. И. Трансформация феминных стереотипов в советской культуре начала XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4. С. 169–179.
8. Ковтун Н. В. Женщины революции: от Даши Чумаловой к «Комиссаршам» Валентина Распутина // Русская культура под знаком Революции. Дальний Восток, близкая Россия. Белград; Сеул; Сайтама: Логос, 2018. С. 32–49.
9. Скубач О. А. Неженская Арктика: сюжет о героине-полярнице в советской культуре 1920–1930-х годов // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 338–350.
10. Наволоцкая Д. И. Е. Виноградова как публичная фигура: образ советской знаменитости в прессе 1935–1936 гг. // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 137–150.
11. Наволоцкая Д. И. Восприятие образа стахановки: фанатские письма Дусе Виноградовой (1935–1936 годы) // Вестник Пермского университета. 2021. № 52. С. 160–172.
12. Bonnell V. E. The Representation of Women in Early Soviet Political Art // The Russian Review. 1991. No. 3. P. 267–288.
13. Khalil H. I. Socialist Realism And The Situation Of Women In Society In The Works Of Maxim Gorky «Mother» // Journal of the College of Languages (JCL), 2021. No. 44. P. 269–281. DOI: 10.36586/jcl.2.2021.0.44.0269.
14. Peruško Vindakijević I. Cult of the Mother in Russian (Soviet) Culture: Religious and Revolutionary Aspects of Maxim Gorky's and Vsevolod Pudovkin's The Mother // Književna smotra: Časopis za svjetsku književnost. 2018. No. 187. P. 37–52.
15. Varga-Harris C. Between National Tradition and Western Modernization: Soviet Woman and Representations of Socialist Gender Equality as a “Third Way” for Developing Countries, 1956–1964 // Slavic Review. 2019. No. 3. P. 758–781. DOI: 10.1017/slr.2019.233.

16. Markwick, R. D., Cardona, E. C. *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 305 p.
17. Pennington R. *Wings, Women, and War: Soviet Airwomen in World War II Combat*. Lawrence: University Press of Kansas Modern War Studies, 2001. 312 p.
18. *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge, 2023. 370 p.
19. Cottam K. J. *Red Sky, Black Death: A Soviet Woman Pilot's Memoir of the Eastern Front*. Bloomington: Slavica, 2009. 213 p.
20. Paige V. *The Rouged Army: Soviet Women Soldiers' Counternarratives of the Great Patriotic War*. Текст: электронный // Edward F. Hayes Graduate Research Forum. 2022. URL: <http://hdl.handle.net/1811/101161> (дата обращения: 15.06.2023).
21. Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
22. Добренко Е. А. *Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении*. München: Sagner, 1993. 405 с.
23. Загидулина Т. А. *Ни ввысь, ни свыше: авиационный дискурс в русской литературе 20–30-х годов XX*. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2019. 208 с.
24. Геннеп А. Ван. *Обряды перехода*. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.

Информация об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна, кандидат филологических наук; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; zagi9@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>.

Для цитирования

Загидулина Т. А. *Функционирование образа военной летчицы в рамках традиционных сюжетных схем соцреализма (на материале очерков М. Чечневой)* // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 105–114. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-105-114.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 29.07.2023.

References

1. Stoller, R. J. *Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. New York: Science House, 1968. (In Engl.)
2. Zadorina, A. O. *Eve, Magdalene, Samaritan... (on the typology of female images in L. M. Leonov's novel "The Thief")*. Bulletin of the Novosibirsk State University. Series History, Philology, no. 20, pp. 108–16, 2021. (In Rus.)
3. *Modern Woman: Gender in Russian Culture in 1890–1930*. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. (In Rus.)
4. Maksimova, M.N *Life of Soviet women on the fronts of the Great Patriotic War in memoirs. Actual problems of socio-humanitarian disciplines. Materials of the LVIV conference of teachers and students of ChSPU named after I. Ya. Yakovlev based on the results of research work for 2018*. 2019: 109–113. (In Rus.)
5. Kulyapin, A. I. *The only: the Soviet woman in the literature and culture of the thirties*. Philology and man, no 4, pp. 158–164, 2011. (In Rus.)
6. *Modern Woman: Gender in Russian Culture the 1890s–1930s*. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. (In Rus.)
7. Zuseva-Ozkan, V. B. *Warrior Maiden in the Literature of Russian Modernism: Image, Motifs, Plots*. M: Indrik, 2021. (In Rus.)
8. Erokhina, T. I. *Transformation of Feminine Stereotypes in Soviet Culture at the Beginning of the 20th Century*. Verkhnevolzhsk Philological Bulletin, no/ 4, pp. 169–179, 2020. (In Rus.)
9. Kovtun, N. V. *Women of the Revolution: from Dasha Chumalova to "Commissars" by Valentin Rasputin*. Russian culture under the sign of the Revolution. Far East, close Russia, no 2, pp. 32–49, 2021. (In Rus.)
10. Skubach, O. A. *Non-female Arctic: a story about a polar heroine in Soviet culture of the 1920s-1930s*. Criticism and semiotics, no. 1, pp. 338–350, 2020. (In Rus.)
11. Navolotskaya, D. I. E. *Vinogradova as a public figure: the image of a Soviet celebrity in the press in 1935–1936*. Woman in Russian society, no. 1, pp. 137–150, 2020. (In Rus.)
12. Navolotskaya, D. I. *Perception of the Stakhanovka Image: Fan Letters to Dusya Vinogradova (1935–1936)*. Bulletin of the Perm University, no. 52, pp. 160–172, 2021. (In Rus.)
13. Bonnell, Victoria E. *The Representation of Women in Early Soviet Political Art*. The Russian Review, no. 3, pp. 267–288, 1991. (In Engl.)

14. Khalil, H. I. Socialist Realism and the Situation of Women in Society in the Work of Maxim Gorky "Mother". *Journal of the College of Languages (JCL)*, no. 44, pp. 269–281, 2021. <https://doi.org/10.36586/jcl.2.2021.0.44.0269> (In Engl.)
15. Peruško Vindakijević, I. Cult of the Mother in Russian (Soviet) Culture: Religious and Revolutionary Aspects of Maxim Gorky's and Vsevolod Pudovkin's *The Mother*. *Literary Review: Journal of World Literature*, no. 187(1), pp. 37–52, 2018. (In Croat.)
16. Varga-Harris, C. Between National Tradition and Western Modernization: Soviet Woman and Representations of Socialist Gender Equality as a "Third Way" for Developing Countries, 1956–1964. *Slavic Review*, no. 3, pp. 758–781, 2019. <https://doi.org/10.1017/slr.2019.233> (In Engl.)
17. Markwick, R. D., Cardona, E. C. *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. (In Engl.)
18. Pennington, R. *Wings, Women, and War: Soviet Airwomen in World War II Combat*. Lawrence: University Press of Kansas Modern War Studies, 2001. (In Engl.)
19. *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge, 2023. (In Engl.)
20. Cottam, K. J. *Red Sky, Black Death: A Soviet Woman Pilot's Memoir of the Eastern Front*. Bloomington: Slavica, 2009. (In Engl.)
21. Paige, V. *The Rouged Army: Soviet Women Soldiers' Counternarratives of the Great Patriotic War* Web. 15. 06. 2023 <http://hdl.handle.net/1811/101161> (In Engl.)
22. *Socialist realist canon*. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. (In Rus.)
23. Dobrenko, E. A. *Metaphor of power. Literature of the Stalin era in historical coverage*. München: Sagner, 1993. (In Rus.)
24. Zagidulina, T. A. *Neither Up nor Above: Aviation Discourse in Russian Literature in the 1920s and 1930s*. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2019. (In Rus.)
25. Gennep A. van. *Rites of passage*. M. Vostochnaya literatura, 1999. (In Rus.)

Information about the author

Zagidulina Tatiana A. , Candidate of Philology; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoy st. , Krasnoyarsk, 660049, Russia; zagi9@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>.

For citation

Zagidulina T. A. The Functioning of the Image of a Military Pilot in the Framework of Traditional Plot Schemes of Socialist Realism (Based on the Essays by M. Chechneva) // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 105–114. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-105-114.

**Received June 20, 2023; approved after reviewing July 25, 2023;
accepted for publication July 29, 2023.**